

Толстой Лев Николаевич

**Крейцерова соната.
Послесловие к "Крейцеровой
сонате"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Крейцера соната. Послесловие к "Крейцеровой сонате" / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 116 с.

ISBN 978-5-519-77195-5

ISBN 978-5-519-77195-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нижегородской ярмаркѣ. Приказчикъ сталъ разсказывать про кутежи какого-то извѣстнаго обоемъ богача-купца на ярмаркѣ, но старикъ не далъ ему договорить и сталъ самъ разсказывать про былые кутежи въ Кунавинѣ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ. Онъ, видимо, гордился своимъ участиемъ въ нихъ и съ видимою радостью разсказывалъ, какъ они вмѣстѣ съ эгимъ самымъ знакомымъ сдѣлали разъ пьяные въ Кунавинѣ такую штуку, что ее надо было разсказывать шопотомъ, при чемъ приказчикъ захохоталъ на весь вагонъ, и старикъ тоже засмѣялся, осканивъ два желтые зуба.

Не ожидая услышать ничего интереснаго, я всталъ, чтобы походить по платформѣ до отхода поѣзда. Въ дверяхъ мнѣ встрѣтились адвокатъ съ дамой, на ходу про что-то оживленно разговаривавшіе.

— Не успѣете,—сказалъ мнѣ общительный адвокатъ:—сейчасъ второй звонокъ.

И точно, я не успѣлъ дойти до конца вагоновъ, какъ раздался звонокъ. Когда я вернулся, между дамой и адвокатомъ продолжался оживленный разговоръ. Старый купецъ молча сидѣлъ напротивъ нихъ, строго глядя передъ собой и изрѣдка неодобрительно жуя зубами.

— Затѣмъ она прямо обвинила своему супругу,—улыбаясь говорилъ адвокатъ въ то время, какъ я проходилъ мимо него,—что она не можетъ, да и не желаетъ жить съ нимъ, такъ какъ...

И онъ сталъ разсказывать далѣе что-то, чего я не могъ разслышать. Вслѣдъ за мной пришли еще пассажиры, прошелъ кондукторъ, вбѣжалъ артельщикъ, и довольно долго былъ шумъ, изъ-за котораго не слышно было разговора. Когда все затихло и я опять услышалъ голосъ адвоката, разговоръ очевидно съ частнаго случая перешелъ уже на общія соображенія.

Адвокатъ говорилъ о томъ, какъ вопросъ о разводѣ занималъ теперь общественное мнѣніе въ

Европѣ и какъ у насъ все чаще и чаще являлись такіе же случаи. Замѣтивъ, что его голосъ одинъ слышенъ, адвокатъ прекратилъ свою рѣчь и обратился къ старику.

— Въ старину этого не было, не правда ли?— сказалъ онъ, пріятно улыбаясь.

Старикъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ это время поѣздъ тронулся, и старикъ, снявъ картузъ, началъ креститься и читать шопотомъ молитву. Адвокатъ, отведя въ сторону глаза, учтиво дожидался. Окончивъ свою молитву и троекратное крещеніе, старикъ надѣлъ прямо и глубоко свой картузъ, поправился на мѣстѣ и началъ говорить.

— Бывало, сударь, и прежде, только меньше,— сказалъ онъ. — По нынѣшнему времени нельзя этому не быть. Ужъ очень образованы стали.

Поѣздъ, двигался все быстрее и быстрее, погромыхивалъ на стыкахъ, и мнѣ трудно было раз-
слышать, а интересно было, и я пересѣлъ ближе. Сосѣдъ мой, первый господинъ съ блестящими глазами, очевидно тоже заинтересовался и, не вставая съ мѣста, прислушивался.

— Да чѣмъ же худо образованіе?—чуть замѣтно улыбаясь, сказала дама. — Неужели лучше такъ жеваться, какъ въ старину, когда женихъ и невеста и не видали даже другъ друга? — продолжала она, по привычкѣ многихъ дамъ отвѣчать не на слова своего собесѣдника, а на тѣ слова, которыя она думала, что онъ скажетъ. — Не знали, любить ли, могутъ ли любить, а выходили за кого попало, да всю жизнь и мучились; такъ по-вашему это лучше?—говорила она, очевидно обращая рѣчь ко мнѣ и къ адвокату, но менѣе всего къ старику, съ которымъ говорила.

— Ужъ очень образованы стали, — повторилъ купецъ, презрительно глядя на даму и оставляя ея вопросъ безъ отвѣта.

— Желательно бы знать, какъ вы объясняете связь между образованіемъ и несогласіемъ въ су-

прудествѣ, — чуть замѣто улыбаясь, сказалъ адвокатъ.

Купецъ что-то хотѣлъ сказать, но дама перебила его.

— Нѣтъ, ужъ это время прошло, — сказала она. Но адвокатъ остановилъ ея:

— Нѣтъ, позвольте имъ выразить свою мысль.

— Глупости отъ образованія, — рѣшительно сказали старикъ.

— Женять такихъ, которые не любятъ другъ друга, а потомъ удивляются, что несогласно живутъ, — торопилась говорить дама, оглядываясь на адвоката и на меня и даже на приказчика, который, поднявшись со своего мѣста и сблотившись на спинку, улыбаясь прислушивался къ разговору.

— Вѣдь это только животныхъ можно спаривать, какъ хозяинъ хочетъ, а люди имѣютъ свои склонности, привязанности, — очевидно желая уязвить купца, говорила дама.

— Напрасно такъ говорите, сударыня, — сказалъ старикъ, — животное — скоть, а человѣку данъ законъ.

— Ну да какъ же жить съ человѣкомъ, когда любви нѣтъ? — все торопилась дама высказывать сужденія, которыя, вѣроятно, ей казались очень новыми.

— Прежде этого не разбирали, — внушительнымъ тономъ сказалъ старикъ, — нынче только завелось это. Какъ что, жена сейчасъ говоритъ: „я отъ тебя уйду“. У мужиковъ на что — и то эта мода завелась. „На“, говоритъ, „вотъ тебѣ твои рубахи и портки, а я пойду съ Ванькой, онъ кудравѣй тебя“. Ну вотъ и толкуй. А въ женщинѣ первое дѣло страхъ долженъ быть.

Приказчикъ посмотрѣлъ и на адвоката, и на даму, и на меня, очевидно удерживая улыбку и готовый осмѣять и одобрить рѣчь купца, смотря по тому, какъ она будетъ принята.

— Какой же страхъ?—сказала дама.

— А такой: да боится своего му-у-жа! Вотъ какой страхъ.

— Ну, ужъ это, батюшка, время прошло,—даже съ нѣкоторою злобой сказала дама.

— Нѣтъ, сударыня, этому времени пройти нельзя. Какъ была она, Ева, женщина, пѣзъ ребра мужнина сотворена, такъ и останется до скончанія вѣка,—сказалъ старикъ, такъ строго и побѣдительно тряхнувъ годовою, что приказчикъ тотчасъ же рѣшилъ, что побѣда на сторонѣ купца и громко засмѣяся.

— Да это вы, мужчины, такъ разсуждаете,—говорила дама, не сдвываясь и оглядываясь на насъ:—сами себѣ дали свободу, а женщину хотите въ теремѣ держать. Сами, небось, себѣ все позволяете.

— Позволенія никто не даетъ, а только что отъ мужчины ничего въ домѣ не прибудеть, а женщина-жена—углый сосудъ,—продолжалъ внушать купецъ. Внушительность интонаціи купца очевидно побѣждала слушателей, и дама даже чувствовала себя побѣжденной, но все еще не сдавалась.

— Да; но, я думаю, вы согласитесь, что женщина—человѣкъ и имѣетъ чувства, какъ и мужчина. Ну что же ей дѣлать, если она не любитъ мужа?

— Не любить!—грозно повторилъ купецъ, двинувъ бровями и губами.—Небось, полюбитъ.—Этотъ неожиданный аргументъ особенно понравился приказчику, и онъ издалъ одобрительный звукъ.

— Да нѣтъ, не полюбитъ,—заговорила дама,—а если любви нѣтъ, то вѣдь къ этому нельзя же принудить.

— Ну, а какъ жена измѣнитъ мужу, тогда какъ?—сказалъ адвокатъ.

— Этого не полагается,—сказалъ старикъ,—за этимъ смотрѣть надо.

— А какъ случится, тогда какъ? Вѣдь бываетъ же.

— У кого бываетъ, а у насъ не бываетъ,—сказалъ купецъ.

Всѣ помолчали, приказчикъ пошевелился, еще подвинулся и, видимо, не желая отстать отъ другихъ, улыбаясь, началъ:

— Да-съ, вотъ тоже у нашего молодца скандалъ одинъ вышелъ. Тоже разсудить слишкомъ трудно. Тоже попалась такая женщина, что распутевая. И пошла чертить. А малый степенный и съ развитіемъ. Сначала съ конторщикомъ. Уговаривалъ мужъ тоже добромъ. Не унялась. Всякія пакости дѣлала. Его деньги стала красть. И билъ онъ ее. Что же, все хужѣла. Съ некрепкимъ, съ евреемъ, съ позволенія сказать, свела шапани. Что жъ ему дѣлать? Бросилъ ее совсѣмъ. Такъ и живетъ холостой, а она слоняется.

— Потому онъ дуракъ,—сказалъ старикъ.— Кабы онъ спервоначала не далъ ей ходу, а укороту бы далъ настоящую, жила бы небось. Волю не давать надо сначала. Не вѣрь лошади въ полѣ, а женѣ въ домѣ.

Въ это время пришелъ кондукторъ спрашивать билеты до ближайшей станціи. Старикъ отдалъ свой билетъ.

— Да-съ, загодя укорачивать надо женскій полъ, а то все пропало.

— Ну, а какъ же вы сами сейчасъ рассказываете, какъ женатые люди на ярмаркѣ въ Кунавинѣ веселятся?—сказалъ я, не выдержавъ.

— Это статья особая,—сказалъ купецъ и погружился въ молчаніе.

Когда раздался свистокъ, купецъ поднялся, досталъ изъ-подъ лавки мѣшокъ, запахнулъ и, приподнявъ картузь, вышелъ на тормазъ.

Только что старикъ ушелъ, поднялся разговоръ въ нѣсколько голосовъ.

— Старого завѣта папаша,—сказалъ приказчикъ.

— Вотъ Домострой живой,—сказала дама.—Какое дикое понятіе о женщинѣ и о бракѣ.

— Да-съ, далеки мы отъ европейскаго взгляда на бракъ,—сказалъ адвокатъ.

— Вѣдь главное, то, чего не понимаютъ такіе люди,—сказала дама,—это то, что бракъ безъ любви не есть бракъ, что только любовь освящаетъ бракъ и что бракъ истинный только тотъ, который освящаетъ любовь.

Приказчикъ слушалъ и улыбался, желая запомнить для употребленія сколько можно больше изъ умныхъ разговоровъ.

Въ срединѣ рѣчи дамы позади меня послышался звукъ какъ бы прерваннаго смѣха или рыданія, и, оглянувшись, мы увидали моего сосѣда, сѣдого одинокаго господина съ блестящими глазами, который во время разговора, очевидно интересовавшаго его, незамѣтно подошелъ къ намъ. Онъ стоялъ, положивъ руки на спинку сидѣнья, и очевидно очень волновался: лицо его было красно и на щекѣ вздрагивалъ мускулъ.

— Какая же это любовь... любовь... освящаетъ бракъ?—сказалъ онъ, запинаясь.

Видя взволнованное состояніе собесѣдника, дама постаралась отвѣтить ему какъ можно мягче и обстоятельнѣе.

— Истинная любовь... Есть эта любовь между мужчиной и женщиной, возможенъ и бракъ,—сказала дама.

— Да-съ; но что разумѣть подъ любовью истинной?—неловко улыбаясь и робѣя, сказалъ господинъ съ блестящими глазами.

— Всякій знаетъ, что такое любовь,—сказала

дама, очевидно желая прекратить съ нимъ разговоръ.

— А я не знаю, — сказалъ господинъ. — Надо опредѣлить, что вы разумѣете...

— Какъ? очень просто, — сказала дама, но задумалась. — Любовь? Любовь есть исключительное предпочтеніе одного или одной предъ всѣми остальными, — сказала она.

— Предпочтеніе на сколько времени: на мѣсяцъ, на два или на полчаса? — проговорилъ съ-дой господинъ и засмѣялся.

— Нѣтъ, позвольте, вы очевидно не про то говорите.

— Нѣтъ-съ, я про то самое.

— Онѣ говорятъ, — вступился адвокатъ, указывая на даму, — что бракъ долженъ вытекать, во-первыхъ, изъ привязанности, любви, если хотите, и что если валицо есть таковая, то только въ этомъ случаѣ бракъ представляетъ изъ себя нѣчто, такъ сказать, священное. И затѣмъ, что всякій бракъ, въ основѣ котораго не заложены естественныя привязанности, любовь, если хотите, не имѣетъ въ себѣ ничего нравственнаго, обязательнаго. Такъ ли я понимаю? — обратился онъ къ дамѣ.

Дама движеніемъ головы выразила одобреніе разъясненію своей мысли.

— Засимъ... — продолжалъ рѣчь адвокатъ, но нервный господинъ съ горѣвшими огнемъ теперь глазами очевидно съ трудомъ удерживался и, не давъ адвокату договорить, началъ:

— Нѣтъ, я про то самое, про предпочтеніе одного или одной передъ всѣми другими, но я только спрашиваю: предпочтеніе на сколько времени?

— На сколько времени? надолго, на всю жизнь иногда, — сказала дама, пожимая плечами.

— Да вѣдь это только въ романахъ, а въ жизни никогда. Въ жизни бываетъ это предпочтеніе одного передъ другими на годы, что очень рѣдко, часто на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на ча-

сы,—говорилъ онъ, очевидно зная, что онъ удивляетъ всѣхъ своимъ мнѣніемъ, и довольный этимъ.

— Охъ, что вы! Да нѣтъ... Нѣтъ, позвольте...— въ одинъ голосъ заговорили мы всѣ трое. Даже приказчикъ издалъ какой-то неодобрительный звукъ.

— Да-съ, я знаю,—перекрикивалъ насъ сѣдой господинъ,—вы говорите про то, что считается существующимъ, а я говорю про то, что есть. Всякій мужчина испытываетъ то, что вы называете любовью, къ каждой красивой женщинѣ.

— Ахъ, это ужасно, что вы говорите; но есть же между людьми то чувство, которое называется любовью и которое дается не на мѣсяцы и годы, а на всю жизнь?

— Нѣтъ, нѣту. Если допустить даже, что мужчина и предпочелъ бы известную женщину на всю жизнь, то женщина-то, по всѣмъ вѣроятіямъ, предпочтетъ другого, и такъ всегда было и есть на свѣтѣ,—сказалъ онъ и, доставъ папиросочницу, сталъ закуривать.

— Но можетъ быть и взаимное,—сказалъ адвокатъ.

— Нѣтъ-съ, не можетъ быть,—возразилъ онъ,—такъ же какъ не можетъ быть, чтобъ на возу гороха двѣ замѣчательныя горошины легли рядомъ. Да кромѣ того, тутъ невѣроятность одна, тутъ навѣрное пресыщеніе. Любить всю жизнь одну или одного—это все равно, что сказать, что одна свѣчка будетъ горѣть всю жизнь,—говорилъ онъ, жадно затягиваясь.

— Но вы все говорите про плотскую любовь. Развѣ вы не допускаете любви, основанной на единствѣ идеаловъ, на духовномъ сродствѣ?—сказала дама.

— Духовное сродство! Единство идеаловъ!—повторилъ онъ, издавая свой звукъ.—Но въ такомъ случаѣ не зачѣмъ спать вмѣстѣ (простите за гру-

бость). А то вслѣдствіе единства идеаловъ люди ложатся спать вмѣстѣ, — сказалъ онъ и нервно засмѣялся.

— Но позвольте, — сказалъ адвокатъ, — фактъ противорѣчить тому, что вы говорите. Мы видимъ, что супружества существуютъ, что все человечество или большинство его живетъ брачною жизнью и многіе честно проживаютъ продолжительную брачную жизнь.

Сѣдой господинъ опять засмѣялся.

— То вы говорите, что браки основываются на любви, когда же я выражаю сомнѣніе въ существованіи любви, кромѣ чувственной, вы мнѣ доказываете существованіе любви тѣмъ, что существуютъ браки. Да браки-то въ наше время — одинъ обманъ!

— Нѣтъ-съ, позвольте, — сказалъ адвокатъ, — я говорю только, что существовали и существуютъ браки.

— Существуютъ! Да только отчего они существуютъ? Они существовали и существуютъ у тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ нѣчто таинственное, таинство, которое обязываетъ предъ Богомъ. У тѣхъ они существуютъ, а у насъ нѣтъ. У насъ люди женятся, не видя въ бракѣ ничего, кромѣ совокупленія, и выходятъ или обманъ, или насилие. Когда обманъ, то это легко переносится. Мужъ и жена только обманываютъ людей, что они въ единобрачій, а живутъ въ многоженствѣ и въ многомужствѣ. Это скверно, но еще идетъ; но когда, какъ это чаще всего бываетъ, мужъ и жена приняли на себя внѣшнее обязательство жить вмѣстѣ всю жизнь и со второго мѣсяца уже ненавидятъ другъ друга, желаютъ разойтись и все-таки живутъ, тогда это выходитъ тотъ страшный адъ, отъ котораго спиваются, стрѣляются, убиваютъ и отравляютъ себя и другъ друга, — говорилъ онъ все быстрее, не давая никому вставить слова и все больше и больше разгораясь. Вѣтъ было неловко.

— Да, безъ сомнѣнія, бываютъ критическіе эпизоды въ супружеской жизни,—сказалъ адвокатъ, желая прекратить неприлично горячій разговоръ.

— Вы, какъ я вижу, узнали, кто я? — тихо и какъ будто спокойно сказалъ сѣдой господинъ.

— Нѣтъ, я не имѣю удовольствія..

— Удовольствіе небольшое. Я Позднышевъ, тотъ, съ которымъ случился тотъ критическій эпизодъ, на который вы намекаете, тотъ эпизодъ, что онъ убилъ жену,—сказалъ онъ, оглядывая быстро каждаго изъ насъ.

Никто не нашелся, что сказать, и всѣ замолчали.

— Ну, все равно,—сказалъ онъ, издавъ свой звукъ.—Впрочемъ, извините! А!... не буду стѣснять васъ.

— Да нѣтъ, помилуйте...—самъ не зная, что „помилуйте“, сказалъ адвокатъ.

Но Позднышевъ, не слушая его, быстро повернулся и ушелъ на свое мѣсто. Господинъ съ дамой шептались. Я сидѣлъ рядомъ съ Позднышевымъ и молчалъ, не умѣя придумать, что сказать. Читать было темно, и потому я закрылъ глаза и притворился, что хочу заснуть. Такъ мы проѣхали молча до слѣдующей станціи.

На станціи этой господинъ съ дамой перешли въ другой вагонъ, о чемъ они переговаривались еще раньше съ кондукторомъ. Приказчикъ устроился на лавочкѣ и заснулъ. Позднышевъ же все курилъ и пилъ заваренный еще на той станціи чай.

Когда я открылъ глаза и взглянулъ на него, онъ вдругъ съ рѣшительностью и раздраженіемъ обратился ко мнѣ:

— Вамъ, можетъ быть, непріятно сидѣть со мной, зная, кто я? Тогда я уйду.

— О, нѣтъ, помилуйте.

— Ну такъ не угодно ли? Только крѣпокъ.